

Ефим Курганов Воры НАД Законом

@ЭЛИТА

12+

Ефим Курганов
Воры над законом, или
Дело Политковского
Серия «Старая уголовная хроника»

*Текст предоставлен издательством
Воры над законом, или Дело Политковского: ЭИ «@элита» ;
Екатеринбург; 2013*

Аннотация

Великий историк Николай Карамзин заметил как-то: «Если бы меня попросили сказать одной фразой, что делается в России, я бы ответил так: «Крадут».

Особый простор для воровства представляли и представляют бескрайние фонды военного министерства. На материале одной знаменитой некогда аферы («Дело камергера Политковского») автор предлагает посмотреть, как разворачивался пенсионный фонд военного министерства в царствование императора Николая I.

Это – лишь один эпизод из цикла романов «Старая уголовная хроника».

Содержание

От публикатора: история папки номер «13»	6
Глава первая. Повествующая об одном загадочном военно-судном деле	11
Глава вторая. Непосредственно касающаяся комитета о раненых и его членов	19
Глава третья. В коей появляется собственной персоною светлейший князь Александр Иванович Чернышёв	24
Глава четвертая. В которой светлейший князь Чернышёв бесповоротно исчезает	30
Глава пятая. В коей всё ж таки опять появляется светлейший Князь Чернышёв	35
Глава шестая. Великая канцелярская битва началась	41
Глава седьмая. Канцелярские интриги	47
1	47
2	51
Глава восьмая. Фиаско близится	57
1	57
2	59
Глава девятая. Ускользнул, подлец!	61
Глава десятая. Отпевание высочайше отменено	66
Глава одиннадцатая. Кое-что о том, что	69

произошло в два утра – 3-го и 4-го февраля
Конец ознакомительного фрагмента.

Ефим Курганов
Воры над законом, или
Дело Политковского
(роман, основанный на реальных
фактах и построенный на
вымышленных документах)

© ЭИ «@элита» 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

От публикатора: история папки номер «13»

На мусорной свалке, самостийно и вольготно расположившейся прямиком за моим домом, я обнаружил однажды утром старинный кованый сундучок, и в преотличном состоянии, между прочим.

С лёгкостью сбив изящный висячий замочек, я открыл крышку, и увидел, что сундук буквально доверху набит стопкой черных кожаных папок, с аккуратнейшими наклейками на каждой: все папки были пронумерованы.

Сундучок, не смотря на не слишком большие размеры, оказался крайне тяжёлый, да, собственно, и не нужен был мне.

В общем, я его оставил за домом, на свалке, совершенно справедливо полагая, что на него скоро найдутся любители, что, кстати, и произошло. А вот весь ворох папок я оттащил к себе в кабинет, рассчитывая на досуге разобраться в их содержимом.

Я вообще люблю рыться в старых бумагах, так что, забирая домой, заранее предвкушал удовольствие, какое получу от ознакомления с ними.

Первое, что я выяснил, так это то, что вся моя добыча в совокупности представляет собой обширный свод записок

некоего Александра Жульковского.

Нет, то была не автобиография господина Жульковского и не его дневник. Вовсе нет.

Это бы своего рода свод досье, в центре каждого из которых находился какой-нибудь общественный скандал. Это были записки, но только они не несли в себе ничего субъективно-личного.

Я начал знакомство с полученными материалами наугад, а именно с папки номер «13». Она меня весьма, и даже чрезвычайно, заинтересовала, показалась в некоторых отношениях необычайно поучительной, и, более того, – жгуче современной.

В итоге я набрал содержимое этой папки на своём ноутбуке и теперь решаюсь предложить вниманию читателей.

Кто же такой титулярный советник Александр Жульковский? И знать не знаю, и ведать не ведаю и вряд ли когда-нибудь узнаю, да, собственно, вовсе и не стремлюсь к этому. Я понял только, что он служил в канцелярии сыскного департамента министерства внутренних дел. Так, во всяком случае, явствует из карандашной пометы на первом же листе предлагаемой вниманию читателей рукописи.

Но главное, что мы имеем теперь наконец-то более или менее связный рассказ о величайшем и хитроумнейшем воре, далеко превзошедшем гоголевского Чичикова, а именно рассказ о камергере императорского Двора Александре Политковском, и об его, так сказать, финансовых похождениях.

Упомянутый только что Политковский как раз и оказался главным героем, – нет, не героем, а персонажем, к которому имеют отношение все бумаги, собранные в папке номер «13». Это я уже их хронологически рассредоточил и распределил по главам, и, там где было необходимо, снабдил моими собственными дополнениями и уточнениями.

ЕФИМ КУРГАНОВ.

г. Париж

18-го мая 2012-го года

**АЛЕКСАНДР ЖУЛЬКОВСКИЙ, титулярный
советник (старший письмоводитель сыскного
департамента министерства внутренних дел)
и по совместительству литератор (автор
множества самых разнообразных сочинений)**

**ЗАПИСКИ ДЛЯ ПОТОМСТВА,
НЕ ОЧЕНЬ ВЕСЁЛЫЕ, ПОРОЙ
СТРАШНОВАТЫЕ, НО ЗАТО ВПОЛНЕ
ДОСТОВЕРНЫЕ И ВО МНОГИХ
ОТНОШЕНИЯХ, УВЫ, ПОУЧИТЕЛЬНЫЕ
(текст составлен в 1867-м году;
отредактирован публикатором в 2012-м году)**

ПАПКА № 13

*Во время Крымской войны государь, возмущённый
всюду обнаруживающимся хищением, в разговоре с
наследником выразился так:*

– Мне кажется, что во всей России только ты да я

не ворует.

(Из рассказа А. Я. Бутковой).

Наместник Кавказа князь Александр Иванович Барятинский в отпуск свой прибыл в Санкт-Петербург.

Я пригласил князя к себе на ужин.

Среди вопросов, заданных мною, был, в частности, и такой:

— Князь, вы достигли замечательных успехов в покорении Кавказа, но, сколько мне известно, в администрации вашей господствуют воровство, взяточничество, лихоимство. Отчего вы это терпите?

Барятинский отвечал с присущим ему бесстрашием:

— Будешь искать умных людей, останешься с одними дураками.

(из дневника императора Александра Второго).

Глава первая. Повествующая об одном загадочном военно-судном деле

Петербургскую публику озадачить крайне затруднительно, почти что и невозможно, пожалуй.

Петербургская публика – она ведь привыкшая едва ли не ко всему, к самым невообразимым, фантастическим вывертам властей предрежащих. Безо всякого сомнения, особливо касается сие замечаньишко моё царствования незабвенного нашего государя Николая Павловича.

Его Величество не просто отличался натурою совершенно бешеной (от чокнутого батюшки своего), неумеренно злопаметной и мстительной, беспощадной, ибо при этом полностью уверен был, опять же от батюшки своего, в собственной исключительной справедливости, будучи буквально помешанным на идее справедливости. В общем, компот получался весьма и весьма опасным, даже взрывоопасным для окружающих.

Однако же в первую неделю февраля 1853-го года, даже ко всему привыкшей петербургской публике пришлось-таки поизумляться вдоволь.

Судите сами, любезные читатели и читательницы мои, хотя, конечно же, чтобы понять, что происходило при Нико-

лае Павловиче, как у всех поджилки тряслись от его «справедливости», надобно было, конечно, там находиться, в том обуянном страхом Петербурге. Однако же приступаю к повествованию.

5-го февраля было затеяно весьма обширное военно-уголовное следствие, и длилось оно до вечера шестого февраля. Скорости какие-то истинно лошадиные, а не человеческие, даже для молниеносного на расправу Николая Павловича. Уж очень не терпелось в тот раз государю, пришедшему в совершенное неистовство.

Да, за два дня виновные были определены. Но при этом главный фигурант дела ускользнул ещё 1-го февраля, и ускользнул на веки вечные, что только усиливало многократно государево бешенство, ибо делало невозможным полное и абсолютное торжество справедливости, к которому неизменно стремился Николай Павлович.

Но ведь при всём своём ужасающем самовластию, государь так и не стал патроном Ангела Смерти.

А главный фигурант дела, о коем настоящая речь впереди, просто вдруг помер, а точнее не просто, а со страху, по всей видимости. Ну как же тут государю не прийти в полнейшее неистовство супротив такой несправедливости?

А кого же тогда подозревали и обвиняли, чьи вины выясняли, ежели главный фигурант вдруг совершенно определённым образом улетучился, в нарушение всех государевых

ожиданий и предположений о скорейшем торжестве справедливости?

Ну как тут не прийти в неистовство, и особливо такой вспльчивой и вместе сверхсправедливейшейнатуре, как Его Императорское Величество?!

К тому же надобно непременно помнить: ежели чего и ненавидел государь сей столь люто, так именно казнокрадство, буквально снедавшее его Россию.

И ежели кого государь Николай Павлович и мечтал казнить, уничтожить, стереть в прах земной в первую очередь, так это предателей короны, а потом сразу же и воров, разграбляющих его империю и являющихся также в некотором роде государевыми изменниками.

Итак, ежели наиглавнейший виновник сумел ускользнуть, то кого же тогда в военно-ссудной комиссии, возглавлявшейся генералом-фельдмаршалом Паскевичем, князем Эриванским, подвергли уголовному преследованию?

Вопросец данный весьма немаловажный, и даже неизбежный, как мне неминуемо представляется – в самом деле, кого?

В открывшемся 4-го февраля 1853-го года следствии обвиняли в том наиспешнейшем расследовании не кого-нибудь, а самых всамделишных генералов и даже одного адмирала. Такого прежде не бывало даже при самом Николае Павловиче. Даже в мятеже 14-го декабря среди обвиняемых щеголяли в основном поручики да прапорщики, встречались

полковники да подполковники, попались и два генералишки. Но так, чтобы судили одних генералов и адмирала – такого сроду не бывало!

В общем, было-таки чему изумляться ко всему как будто привыкшей петербургской публике. Но погодите – это ещё не все.

Ежели главный виновник ускользнул от наказания, то за что же был объявлен розыск в отношении почтеннейших генералов и одного адмирала? А обвиняли их в недостаточном усердии, в том, что отъявленных негодяев, воров хитроумных, за шкуру сии генералы не схватили.

И что же, по окончании следствия состоялся суд? Дело и в самом деле дошло до суда?

Да, дошло, и причём мгновенно, можно сказать. Суд состоялся уже 9-го февраля, то бишь чрез два дня по окончании стремительного двухдневного же следствия.

И заслуженные генералы, вкупе с одним адмиралом, понесли наказание. Самое что ни на есть всамделишное. Хотя по-настоящему пострадал лишь один из генералов, герой многих боевых кампаний, прославившийся ещё в войнах и с Наполеоном Бонапартом.

Да, было от чего ко всему привыкшим петербуржцам стать вдруг очень даже озадаченными.

Генералов скопом начали судить за... недогадливость. И было приговорено, дабы они (в совокупности) вернули в казну один миллион двести рублей серебром.

Отчего была указана именно данная сумма – об этом разговор впереди.

И отчего вдруг государь Николай Павлович стал преследовать недогадливых генералов, не могущих распознавать армейских казнокрадов – об этом тоже предстоит разговор. И уверяю: разговор будет наискрупулёзнейший. Но до него покамест далеко.

Итак, милостивые государи и всемилостивейшие государины, 9-го февраля 1853-го года, в стольном граде Санкт-Петербурге состоялся военный суд, и длился он ровно один день, койй пролетел как единое мгновение. Суд над почтеннейшими российскими генералами и одним адмиралом. Причём все обвиняемые были членами комитета раненых и инвалидов при военном министерстве (комитет сей был учреждён по завершении войн с Наполеоном Бонапартом).

Строго говоря, в феврале 1853-го года военному суду был предан весь комитет в полном составе – опять же случай беспрецедентный для Российской империи того времени; да и для других времён.

Это был самый настоящий скандал, и преграндиозный, скажу я вам откровенно.

По распоряжению государя был арестован комитет военного министерства. И потом уже только было наряжено следствие.

И все члены комитета о раненых в той или иной степени подверглись наказанию, в том числе и тюремному. Ну, слы-

ханное ли дело? Это всё же комитет военного министерства, управляемый высшими офицерами, полководцами нашими, в боевых сражениях доказавшими верность свою престолу.

Тут уж и ко всему как будто привыкшая петербургская публика закипела и задрожала даже. Воображение ко многому привыкших столичных жителей на сей раз было весьма сильно взбудоражено, и не на шутку.

«А уж не хватил ли на сей раз Николай Павлович лишку? Не перегнул ли палку строгий наш государь?» – стали поговаривать в столичном обществе.

И ещё судачили тогда, самые неумеренные прогнозы дела; вот некоторые из сих прогнозов:

«Ежели Николай Павлович засудил целый комитет военного министерства, то что же будет дальше?! Неужто пойдёт Его Величество и другие генеральские головы сносить?»

Но дальше, увы, ничего подобного не происходило в столице империи российской, и в области собственно военного управления.

Надобно признать, к величайшему сожалению моему, что то был всего лишь эпизод, вызванный наисильнейшим приступом императорского безудержного гнева.

Борьба с военным казнокрадством была после этого оборвана, хотя я лично не сомневаюсь, что строгий государь наш отличнейшим образом был осведомлён в следующем.

Безобразия отнюдь не иссякли, а наоборот, продолжают неукоснительно и беззастенчиво твориться: более того – на-

растают подобно снежному кому.

Да махнул, как видно, рукой император, догадался, что из начальничков российских любви страстной к казённым суммам никак не вытравить. Или недосуг Николаю Павловичу стало – забот-то у него было немеряно; забот невпроворот, можно сказать. Ещё бы! Такой громаднейшей империей управлять!

Строго говоря, всё началось и окончилось скандальнейшим делом комитета о раненых. Но страху на генералов государь-таки навёл, что, однако же, следует признать, вовсе не оберегло нас от страшной, позорной крымской кампании.

В общем, военный суд, состоявшийся 9-го февраля 1853-го года, было истинным событием в тогдашней петербургской жизни. То была такая неожиданно яркая вспышка, много чего неприглядного осветившая.

Тем не менее, вопиющее казнокрадство в армии и при этом на самом военно-командном верху и потом преспокойненько продолжалось.

Так что показательного урока не получилось, увы, а точнее, не получилось показательного процесса. А император всероссийский явно о таковом процессе мечтал, дабы дать острастку, дабы неповадно было лихоимцам свои гнусные дела на Руси творить.

Его Величество ведь был очень большой морализатор, и вместе с тем, можно сказать, великий романтик; правда, он так и не смог научить подданных жить, служить, и командо-

вать, не воруя. Потому, собственно, и не смог, что был романтик. Понял в итоге, что не смог справиться с воровством даже ближайших сподвижников и под конец своей императорской жизни сильно загрустил. Но мы, однако, что-то забежали вперёд.

Остановимся на факте: Император Николай Павлович более всего в приближённых ценил исполнительность, верность и преданность, и получил во многом воров. Интересно, что братец его, Александр Павлович совершенно не был романтик, и был даже циник, в верность и преданность не верил, и при нём воровства как будто было гораздо меньше.

Глава вторая. Непосредственно касающаяся комитета о раненых и его членов

Теперь настал, наконец-то, черёд уведомить любезнейших читателей и читательниц моих, что председателем комитета о раненых был тогда генерал от инфантерии и вместе генерал-адъютант самого императора, Павел Николаевич Ушаков, почтенный и заслуженный полководец, прославивший себя во множестве военных компаний, и отнюдь не сребролюбивый и вовсе не падкий на присвоение казённого. Но подчинённым своим Ушаков вполне доверял, может быть и излишне, правда, но не более того. Других вин за генералом Ушаковым не значится.

Состоявшийся 9-го февраля 1853-го года суд, тем не менее, приговорил генерала от инфантерии Ушакова к исключению со службы (!) и содержанию в крепости на шестимесячный срок (!!!).

Адмирал же Колзаков был также приговорён к исключению из службы, в наказание же ему было вменено содержание под стражей в дни следствия; так что адмирал ещё легко отделался.

Генерал Мардерштерн был приговорён к аресту в крепости на один месяц. Генералы же Арбузов, Граббе и Засс бы-

ли приговорены к трёхмесячному содержанию в крепости (я потом ещё скажу, что государь потом отменил их содержание в крепости).

Фактически весь комитет о раненых военного министерства оказался под тюремным замком, хотя бы на дни следствия.

Государь Николай Павлович, который всё это дело и затеял, ознакомившись с приговорами, вынесенными военным судом, конформировал их в следующей редакции.

Документик весьма примечательный – вот он (в моём распоряжении находится писарская копия – я приобрёл её за пятьдесят рублей ассигнациями, вручив сию сумму заведующему секретным архивом военного министерства; фамилии на всякий случай называть не буду):

«Приговор суда касательно генерала Ушакова нахожу правильным, но считаю гораздо виновнее в том, что дозволил себе дерзко настаивать на награждении Политковского, несмотря на мои отказы, тогда как отличия нисколько с его стороны не было, но, напротив, ежели б Ушаков исполнил свою обязанность по долгу военной присяги, воровство бы открылось; потому приговор суда утверждаю во всей силе.

Адмирала Колзакова, вменив лишение генерал-адъютантского звания и суд в наказание, уволить со службы.

Генерала Мандерштерна, вменив суд в

наказание, возвратить к прежней должности коменданта.

Генерала Арбузова, вменив лишение генерал-адъютантского звания и суд в наказание и приняв в соображение малое нахождение в наличности при Комитете за командировкой к командованию гренадерским корпусом, избавить от дальнейшего взыскания и возвратить к должности инспектора гвардейских и гренадерских резервных и запасных батальонов.

Генерал-адъютантов Граббе и Засса признаю виновными только в том, что, усомнясь в правильности существующего порядка в Комитете, не довели об этом, как генерал-адъютанты, до моего сведения, за что объявить им строжайший выговор и от дальнейшего взыскания освободить».

Да, весьма интересный документик. Конfirmация приговоров производилась ровно через месяц, а именно в апреле 1853-го года, и за этот месяц государь Николай Павлович, кажется, одумался, что генералы-то в этом страшном воровском деле, собственно, и ни при чём. Во всяком случае, Его Величество явно стал смягчать приговоры, хотя он-то этот процесс и затеял.

И ещё. В документе наконец-то названа фамилия истинного героя настоящего повествования.

Это Политковский Александр Гаврилович, тайный совет-

ник и камергер, директор канцелярии комитета о раненых военного министерства.

Это именно он и устроил в комитете грандиознейшее и при этом многолетнее воровство, о коем генералы, члены комитета, не ведали ничего, ибо в дела канцелярии не вмешивались и, как чисто военные люди, в канцелярских ухищрениях и хитросплетениях не понимали совершенного ничего.

И вовсе не они, не боевые генералы, должны были выискивать в мириадах комитетских бумаг случаи воровства сумм, отпускаемых на содержание раненых и инвалидов. На это ведь есть специальные люди, аудиторы называются. И при военном министерстве было устроено даже особое аудиторское училище.

Обо всём этом государь Николай Павлович прекраснейше был осведомлён, и гордился даже сим аудиторским училищем, созданным по почину его многолетнего любимца – военного министра Чернышёва.

Однако в случае с делом Александра Гавриловича Политковского Его Величество отчего-то предпочёл преследовать ни в чём не повинных генералов, ну а потом вдруг стал более или менее смягчать приговоры, но всё же не отменять их до конца, хотя совершенно очевидно, что в канцелярскую галиматью они и не должны были вовсе вникать.

А, кстати, существовал государственный муж, и он совсем не помер к тому времени, то бишь к моменту процесса, который-то, собственно, и сотворил Политковского как канце-

лярского деятеля, и всячески и неизменно покровительствовал ему на протяжении аж целых двух десятилетий.

Собственно, сей государственный муж как раз и возвёл Александра Гавриловича в звание директора канцелярии комитета о раненых и даже исхлопотал собственноручно, дабы Политковский получил придворный чин камергера, звание тайного советника и так далее и тому подобное, ходатайствовал, и весьма успешно, о представлении Политковского ко многим орденам (Святой Владимир третьей степени, Святой Анны первой степени, Святой Станислав первой степени).

Однако буйный неудержимый гнев правдолюбца-императора этого государственного мужа старательно обходил, и на то были, может, вовсе не уважительные, но при этом абсолютно неоспоримые причины.

Вот и пришлось императору Николаю Павловичу налетать на генералов и адмирала, всех членов комитета о раненых военного министерства.

Главного же виновника, а точнее, главного пособника Политковского, Его Величество трогать никак не решался и не хотел, а точнее, никоим образом не желал, об чём мы ещё поговорим, и даже не раз.

Глава третья. В коей появляется собственною персоною светлейший князь Александр Иванович Чернышёв

Государственным мужем, который сделал Политковского тем, кем он стал, был не кто иной, как светлейший князь Александр Иванович Чернышёв, военный министр и председатель Государственного совета.

Был он смолоду преотличнейший танцор, ловкий парлёр, то бишь говорун, большой и даже великий дамский угодник, хотя супруга княгиня Радзивилл не скрывала к мужу своего презрения, и, наконец, сбежала от него в Париж и более никогда не вернулась. На эту тему есть даже известный анекдот, связанный с тем, что Чернышёв славился своим самодовольством и тем, что любил рассказывать о своём значении и своих военных подвигах. Так вот, говорили, что у княгини Чернышёвой-Радзивилл состоялся раз следующий разговор с государем Александром Павловичем:

**«— Ваше величество, может ли женщина
развестись с мужем, который ежедневно
понемногу её убивает?**

— Конечно.

– Государь, знайте: Чернышёв морит меня скукой».

Государь Александр Павлович любил с Чернышёвым поболтать на всякие легкомысленные темы (при царе тот, ясное дело, не важничал), весьма ценил как танцора и сделал сначала своим флигель-адъютантом, а потом и генерал-адъютантом, несколько раз посылал курьером к Наполеону Бонапарту.

При этом выполнял Чернышёв по заданию государя и кой-какие шпионские поручения, впрочем, далеко не всегда делал это удачно (провалил по рассеянности одного наиважнейшего нашего агента, работавшего канцеляристом в наполеоновском военном министерстве, и тот был гильотинирован), хотя преподносил свои французские вояжи только как безусловные и даже огромные победы. Потом он командовал довольно небольшим партизанским отрядом, но преподносил себя как истинного полководца.

Однако настоящей военной карьеры сей Чернышёв при государе Александре Павловиче так по сути и не сделал, хотя император как будто вполне благоволил к нему. Как видно, в высшей степени скептический ум императора сказался и в отношении его к своему флигель, а потом и генерал-адъютанту.

Всё радикальнейшим образом переменялось после кровавого восшествия на престол Николая Павловича. Тогда-то и начиналось подлинное восхождение Чернышёва.

Александр Ивановичу шёл уже 41-й год, и он двинулся ва-банк. Во многом это как раз он и заставил, дабы армия присягнула Николаю Павловичу.

Потом поехал на Юг, во вторую армию, и вёл там допросы бунтовщиков, вёл сурово и жёстко, даже грубо.

Когда подполковник Лорер попросил, дабы его золотые эполеты оставили для его унтер-офицера, то Чернышёв, не говоря ни слова, тут же бросил их в огонь.

Он был введён в Верховный суд над бунтовщиками, и именно он требовал самых беспощадных (до прямой несправедливости) приговоров. Император их потом несколько смягчил.

Во время казни пятерых бунтовщиков Александр Иванович, руководивший сим действием, гарцевал на лошади и хотел, что даже графу Бенкендорфу показалось совершенно выходящим за пределы приличий.

В общем, Чернышёв из кожи вон лез, дабы понравиться и даже стать незаменимым для сурового и грозного Николая Павловича, дабы показаться для нового императора без лести преданным, верным до конца, преданным именно до забвения буквально всех приличий, о чём как раз и мечтал сей своенравный государь, истинный сын своего отца.

И карьера наистремительнейшим образом тут же пошла в гору, компенсировав всё то, что было недополучено Александром Ивановичем при царе Александре.

Чернышёв приобрёл графский титул, потом и княжеский,

потом стал светлейшим князем. Сначала управлял военным министерством (с 1827-го года), а в 1832-м году стал полноценным военным министром российской империи. С 1848-го же года, не оставляя своего высокого министерского поста, получил бразды правления от Государственного совета и комитета министров. Взлёт совершенно феноменальный и при умном проницательном Александре даже немыслимый.

Именно когда Александр Иванович стал военным министром, судьба, видимо, как раз и свела его с Сашкою Политковским., – так Чернышёв несколько фамильярно, но ласково, по-свойски, именовал обычно нашего героя, забубённую и на всё готовую чернильную душу.

И совсем скоро Политковский стал для Чернышёва таким же нужным и незаменимым, каким тот стал для императора.

Александр Гаврилович как раз в 1832-м году перевёлся из Главного штаба военных поселений в комитет о раненых, перевёлся начальником первого отделения канцелярии комитета. Тут Чернышёв и обратил на Политковского своё зоркое министерское внимание. Он только вступил тогда в управление военным министерством и ему чрезвычайно нужны были свои верные и ушлые канцеляристы.

Чернышёв получил домашнее образование, и оно было в его случае довольно-таки лёгким, поверхностным, неосновательным. Военным же наукам сроду не учился. А Политковский закончил, как-никак, Московский университетский благородный пансион, а главное, наловчился необычайно

хитро составлять всякие официальные отношения по министерству, готовить красивые, даже изысканные по-своему, поздравительные адреса, делать доходчивые, внятные статистические выкладки. В общем, вскоре Александр Гаврилович сделался совершенно необходимым министру.

Вскоре он стал директором канцелярии о раненых. Дослужился сначала до статского, а потом даже и до тайного советника. Но самое главное, что Чернышёв во всю свою бытность министром стоял за Политковского горой и никому не давал его тронуть.

А засылавшиеся время от времени в комитет военные аудиторы, страшась министерского гнева, давали о деятельности канцелярии самые что ни есть восторженные отчёты. О настоящем ревизовании и думать тогда никто не помышлял, ведь Чернышёв являлся для военного министерства тем, кем Николай Павлович был для российской империи, то бишь абсолютным монархом...

Так, под охраною Чернышёва, Политковский и процветал целые два десятка лет, и никто его не смел тронуть. Однако государь Николай Павлович не пожелал потом ничего этого вспоминать, ибо Чернышёв был его личный друг, ибо Чернышёв во многих отношениях усмирил мятежников, когда состоялось восхождение Николая Павловича на престол, ибо Чернышёв был предан государю безмерно.

На самое упоминание имени Чернышёва в связи с делом Политковского было наложено наистрожайшее табу.

Ведь ежели бы пришлось в ходе следствия хотя бы просто назвать, кто именно на протяжении целых двадцати лет выдвигал и пропихивал негодяя Политковского, то пришлось бы отдавать светлейшего князя Александра Ивановича Чернышёва под суд, и никак не менее.

Вот его в 1853-м году и обошёл совершенно стороной грозный и неудержимый императорский гнев. И весь удар за гнусные деяния Политковского пал лишь на одних членов комитета о раненых.

А ведь если бы они в своё время посмели только заикнуться хотя бы, или просто засомневаться в достоинствах или в честности директора канцелярии комитета о раненых, то их ждали бы сильнейшие неприятности и разнос, полученный от самого министра.

И вот члены комитета благоразумно помалкивали, за что впоследствии и пострадали, а председатель комитета даже смертельно пострадал. Да, смертельно пострадал в самом прямом смысле слова.

Однако всё это произошло именно потом, когда Чернышёв уже не был военным министром.

Глава четвертая. В которой светлейший князь Чернышёв бесповоротно исчезает

Светлейшему князю Чернышёву, впрочем, всё-таки тоже достался удар, но то был удар совсем иного свойства, ибо он был апоплексический.

Богатырь, красавец, виртуознейший танцор, гроза замужних дам, самоуверенный говорун, вдруг начал передвигаться с трудом, с усилием закидывая недвижимую ногу, и голос его стал каким-то отвратительно-булькающим.

Да и голова Чернышёва уже была совсем не та в смысле внутреннего её наполнения, было уже в ней весьма много тумана, и соображать светлейший стал, ясное дело, крайне туго.

В общем, попросился Александр Иванович в отставку с поста военного министра (произошло это почти что на исходе 1852-го года). Военное министерство – это ведь, строго говоря, целое государство в государстве, туда относятся и резервные части, и военные поселения, и кадетские корпуса и аудиторское училище, да и военная академия, и ещё много чего. Чтобы всем этим управлять, нужна ясная голова и всеобъемлющий ум, и просто физическая подвижность, а всего этого Чернышёв уже лишился.

А вот с поста председателя государственного совета светлейший не ушёл, ведь это была скорее почётная должность, так, для красоты и величия, а с величием своим эта живая развалина расставаться никоим образом не собиралась.

Интересно, что Чернышёв умер от второго удара, когда через пять лет новый император Александр Николаевич возвёл Михайлу Семёновича Воронцова в звание генерал-фельдмаршала. Александр Иванович необычайно сильно разволновался по этому поводу. Тут его и хватил второй и окончательный удар. Так что, даже став живой развалиной, Чернышёв продолжал думать о своей карьере и мечтал о новых восхождениях.

Но вот что сейчас крайне важно для нас: удар, случившийся со светлейшим князем Чернышёвым в конце 1852-го года, означал для нашего Политковского полную и непоправимую катастрофу, кошмарную катастрофу.

Сей апоплексический удар был не чем иным, как прямой дорожкой к концу Политковского, и, позорному концу.

Александр Гаврилович, можно сказать, тут же превратился в дом, открывшийся вдруг всем ветрам, или – можно сказать и так – превратился в сироту, коего каждый может обидеть.

Отныне и самая жизнь Политковского была под угрозой, и весьма осязаемой.

Пять лет Чернышёв управлял военным министерством, потом ещё двадцать лет был военным министром. И 25 лет

государственные контролёры даже сунуться не могли в министерство, у коего был свой и бесконтрольный властитель, который обходился силами своих же военных аудиторов.

И вот произошла смена власти. Приход государственных контролёров был теперь уже совершенно неизбежен.

В права военного министра вступал князь Василий Алексеевич Долгоруков, в прошлом – флигель-адъютант Николая Павловича, а в будущем – шеф корпуса жандармов. Но кем бы по своему положению и по связям ни был военный министр, масштабная финансовая проверка была абсолютно неизбежна.

Надо было принимать дела по военному министерству, по всем его отделам и комитетам; военное министерство ведь было как государство в государстве.

Тайный советник Политковский вполне должен был осознавать – не мог не сознавать, – что это его смертный приговор, но сдаваться он всё ж таки не собирался, хоть и понимал, что райской жизни его пришёл конец.

Он-то был боевой петух, но сие уже не имело ровно никакого значения.

Судьба Александра Гавриловича отныне была предрешена полностью, хотя в Санкт-Петербурге поначалу никто ещё об этом не догадывался. Нужно было совершенно особое, истинно фантасмагорическое воображение, дабы представить себе всю грандиозность аферы Политковского, продержавшейся почти что двадцать лет.

Естественно, петербуржцы поначалу не ведали и представить не могли, к чему именно дело идёт, не постигая, как же могло твориться в столице российской империи столь долго такое грандиозное воровство. Но это поначалу. Скоро страшная истина выплыла наружу.

Интересно, как это всё ж таки император Николай Павлович удержался и не прибил любимчика своего Чернышёва, главного и неизменного покровителя Политковского?!

Государь ведь прекрасно бы осведомлён, что Чернышёв давно проталкивал Александра Гавриловича наверх.

Да, военный министр и бывший императорский шпион, похвалявшийся, как он выводывал тайны Наполеона для Александра, оказался истинным ротозеем, честно говоря, даже самонадеянным болваном, другого слова просто и не подберёшь тут.

Это ведь его в первую очередь дурил и подводил под монастырь Александр Гаврилович! Его, своего первейшего благодетеля! Многократно дурил, чуть ли не каждодневно! На протяжении двух десятилетий!

Наживался, и как ещё наживался под светлейшим крыльшком. И Чернышёв, многоопытный интриган, ни об чём не догадывался?! На протяжении всего этого времени?

Да можно ли подобное вообразить? Придётся. Во всяком случае Чернышёв не хотел ни об чём догадываться. Военный министр ведь был настоящим властелин, и не мог, как видно, представить, что его гнусно используют. Или закрывал на это

глаза.

В результате казна военного министерства была обкрадена Политковским и его сподручными на миллион двести рублей серебром, ежели не более.

И военный министр в итоге вовсе не был отдан под суд. Более того: государь Николай Павлович, в предвестии своей кончины, сделал его своим душеприказчиком.

А ведь на самом-то деле настоящее место сему душеприказчику было на нарах в каземате. Во всяком случае я лично, милостивые государи и всемилостивейшие государыни, в этом свято убеждён.

Но вот государь, тем не менее, рассудил совсем иначе и не пожелал привлекать любимчика своего к какой бы то ни было ответственности, и не дозволил, чтобы на репутацию его любимчика легла хоть какая-нибудь тень.

Глава пятая. В коей всё ж таки опять появляется светлейший Князь Чернышёв

Всё-таки ещё хотя бы разок, но всё ж таки придётся вывести мне теперь на сцену военного министра Александра Ивановича Чернышёва. Уж не обессудьте!

Да, всё-таки как-то выходит, что без этого нам никак не обойтись в настоящем повествовании, хотя я с сей малосимпатичной личностью решил было совсем уж распрощаться. Ан нет! Не получилось.

Итак, опять Чернышёв. Никак не избавиться от него. Но уж в последний раз – обещаю, друзья мои, и самым определённым образом.

Хотя кто знает... Ручаться не могу.

Так уж повелось, что каждый год ровно за два дня до Рождества Христова тайный советник и камергер Двора Его Императорского Величества Александр Политковский неизменно прибывал к десяти часам утра на Малую Морскую 10, и прямиком взлетал по громадной мраморной лестнице особняка светлейшего князя Александра Чернышёва.

Когда-то сей роскошный особняк принадлежал знаменитой Наталии Петровне Голицыной, которую великий наш

Пушкин увековечил в образе старухи-графини. Но потом особняк выкупила казна, и он был превращён в резиденцию военного министра российской империи. Но впоследствии, по указанию государя Николая Павловича, бывший особняк старухи Голицыной был отдан Александру Ивановичу Чернышёву и всему его роду в вечное владение.

И за два дня до Рождества Политковский приезжал поздравить своего шефа и благодетеля со святым праздником.

Ничего не изменилось в этом смысле и в декабре 1852-го года. Политковский прибыл минута в минуту – к десяти. Только обычно его маленькая пузатенькая фигурка излучала самоуверенность и веселье, а тут директор канцелярии комитета о раненых чуть не плакал.

Политковский прибыл со своим обычным рождественским даром – белый платок из тончайшего шелка, на коем вышит золотистый лик Спасителя, но только-только народившегося. В сей чудный платок был обернут крошечный портсигар из чистого серебра, весь обсыпанный бриллиантовой крошкой.

Вручив торжественно свой праздничный дар, толстяк вдруг зарыдал: из глаз брызнули слезы, лицо, напоминающее большой белый блин, вдруг сморщилось, плечи задёргались.

Узрев это, светлейший князь даже опешил: такого от вечного бодрячка и весельчака Политковского он никак не ожидал. Да ещё в такой день.

И Александр Иванович загнусавил: говорить после уда-

ра ему было крайне тяжело, и звуки с трудом складывались в слова – «Гг...гг...о...лал. уб. ччикк Сс...а. шш. а дд. а чч..т..о ээ. тт... сс тобою... У...сс...пп..о..кк..ой..сс..я».

Но директор канцелярии продолжал неутешно рыдать, го-лося в том смысле, что он теперь остаётся совсем один, чистым сиротою на белом свете.

Чернышёв был смущён и растерян, что вообще случалось с ним крайне редко или даже практически не случалось, а если учесть, что теперь словопроизводство вообще давалось ему с трудом, а ему надо было утешать Политковского, то ситуация складывалась крайне тяжёлая.

Да, поздравления никак не получалось на этот раз, скорее – наоборот.

Князь даже начал побаиваться нового удара. Всё же он продолжал утешать Александра Гавриловича, говоря, что бояться тому совершенно нечего, что он отличный, преданный Отечеству работник и что новый министр будет его ценить не менее, чем он.

Однако Политковский продолжал рыдать, продолжал оплакивать своё сиротство.

Чернышёвские утешения ничего не давали, да он и не нового министра боялся (он отличнейше знал его – Василий Андреевич Долгоруков был прежде помощником Чернышёва), он боялся, и с полным на то основанием, госконтролёров, появление которых при смене министров было абсолютно неизбежно.

Меж тем Чернышёву становилось уж совсем худо. Видя это, подлетели адъютанты и откатали его в кресле из кабинета. Политковский, заметя это, тут же примолк и отправился восвояси.

На набережной Александра Гавриловича ждала карета (всего их у Политковского в конюшне стояло никак не менее десяти, и все были дорогие, помпезные, а были ещё коляски, дрожки, пролётки, но он предпочитал именно кареты, обитые золотом и серебром, а изнутри обшитые роскошными тончайшими шелками).

Появившись на морозном воздухе, Политковский немного успокоился и тут же отправился на службу – в канцелярию. Настроение было преотвратнейшее, но сдаваться он и не думал. Не из таковских был!

Князь же Чернышёв с большим интересом рассматривал преподнесённый ему портстигарчик, любовно ощупывал бриллиантики, рассыпанные по его поверхности, и заплетающимся языком шептал сам себе:

«Вот чудак человек этот Политковский, Ей-Богу! И чего он так тревожится, это ведь зря совсем. Аудиторы моего министерства многократнейше проверяли отчётность комитета, и никогда никаких претензий у него не возникало. Ну, ни единого разу. А бриллиантики, скажу я вам, пресимпатичнейшие! Чудненький портсигар, ничего не скажешь!»

А Александр Гаврилович тем временем прибыл к себе в канцелярию и тут уже устроил совещаньице закрытое с

ближними сотрудниками – помощником по комитету титулярным советником Путвинским, казначеем надворным советником Рыбкиным, и начальником счётного отделения коллежским советником Таракановым.

Совещаньице (то бишь откровенная, живая беседа с сообщниками, которые его подбадривали, как могли), совсем уж успокоило Политковского, и к концу затеянного разговора он приобрёл свой прежний самоуверенно-наглый вид, нахрапистость и какую-то совершенно особую вальяжность.

И после пяти часов пополудни Александр Гаврилович заторопился за очередной порцией любовных утех к очередной своей балеринке.

К девяти надо было ещё ему к себе домой поспеть – у Политковского на тот вечер был приём, а вернее, серьёзная карточная игра. Ожидались гости, и среди них несколько весьма важных птиц из военно-дипломатического мира, и даже сам генерал Дубельт, Леонтий Васильевич.

Неприятное утро как будто стало забываться. И директор канцелярии комитета о раненых опять был, как обычно, необычайно бодр, показывая всем окружающим и себе самому в том числе, что неискоренимо верит в собственную звезду и в благосклонность к себе председателя комитета о раненых Павла Николаевича Ушакова, прославленного военачальника и генерал-адъютанта самого императора.

Но в то же время было совершенно очевидно, что на душе Политковского явно скребли кошки, а в голове роились

самые дурные предчувствия.

Ведь не идиот же он был? А был очень даже умным человеком, чрезвычайно умным и многоопытным, хоть и излишне самонадеянным, коему успехи давно вскружили голову.

Глава шестая. Великая канцелярская битва началась

За рождественскими хлопотами плохие предчувствия Александром Гавриловичем, кажется, совсем забылись.

И вообще, по свойству своей необычайно жизнерадостной натуры, Политковский не мог долго отчаиваться. Да он в принципе и запрещал себе волноваться: будучи человеком весьма круглых форм (он был малоросл и очень напоминал шар), чрезвычайно боялся апоплексического удара.

С другой же стороны, Александр Гаврилович не мог не знать, что масштабная и доскональная проверка всей его канцелярии отныне совершенно неизбежна, и этого не личное желание нового военного министра, отнюдь нет, это обусловлено самим порядком вступления его в новую должность.

Но, видимо, Политковский рассчитывал, что приход государственных контролёров не может произойти посреде рождественской суматохи, и наступит уж хотя бы в новом году.

Работа ведь предстояла обстоятельная и кропотливая, и самое малое требовала хотя бы одного месяца. В общем, он ждал некоторой отсрочки. А за это время рассчитывал придумать, как бы выкрутиться из создавшегося катастрофического положения.

Однако ожиданиям Политковского так и не осуждено было сбыться. В самый канун нового 1853 года неожиданно-негаданно, без малейшего предупреждения, явилась в комитет раненых целая орава аудиторов. И были они уже не из военного министерства, как водилось при Александре Ивановиче Чернышёве, а из государственной-контрольной службы.

Гражданские. Почти всё титулярные советники, мелочь, юнцы, но какие злые, кидучие, дотошные, и никакого почтения ни к должности директора канцелярии, ни к самому военному министерству. Даже и сам Александр Гаврилович, хоть ему палец в рот и не клади, опешил поначалу.

Что уж об его чиновничьих крысах говорить – дрожали, не переставая. Правда, был у него один смельчак – Путвинский, помощник по канцелярии, но тут и ему привычная наглость вдруг напрочь изменила: побледнел и как в рот воды набрал.

Правда, Политковский очень быстро пришёл в себя. Стал топтать ногами, орать, трясти орденами, стал вертеть перед контролёрами своим камергерским ключом, с яростью выкрикивая, что он лично знаком с императором Николаем и пользуется его благосклонностью. И опять топал ногами. Кричал: «Вон! Вон!»

И тут один из контролёров, такой же юнец, как и все остальные, ни слова ни говоря, вручил Политковскому смятый листок. На нём была нацарапана спешно карандашом лишь одна фраза:

«Дозволяю полную проверку всех бумаг, содержащихся в

канцелярии комитета о раненых». И подпись: «Павел Ушаков, генерал-адъютант Его Императорского Величества».

Да, сам Павел Николаевич Ушаков позволил, директор комитета о раненых военного министерства. Политковскому ничего не оставалось, как самому выйти вон из канцелярии, а проверяющие остались творить свои «безобразия».

Правда, они на сей раз были в канцелярии совсем недолго, и добычу забрали с собой совсем небольшую (текущие кассовые книги). Тем не менее Политковский был в бешенстве, которое никак не мог в себе укротить.

Непрошенные гости ушли уже, а он все ещё продолжал изрыгать проклятия в их адрес и доказывать невесть кому, что он камергер Двора Его Императорского Величества и что государь чрезвычайно милостив к нему.

Как я уже сказал, контролёры, в первую очередь, изъяли из канцелярии комитета о раненых текущие кассовые книги.

Буквально на следующий день стало известно, что в арестованных кассовых книгах обнаружена недостача в десять тысяч рублей. Весть тут же облетела всю столицу, но никому и в голову тогда ещё не могло прийти, что имеет место расхищение гигантских казённых сумм.

Поначалу решили, что это случайность, результат нерасторопности чиновников Политковского или путаницы. О том, что имеет место именно воровство, никто не помышлял ещё.

Понимаете, десять тысяч для комитета о пенсиях — это

вообще не деньги.

У комитета был колоссальный многомиллионный бюджет, судя по всему.

Кроме выплаты инвалидных и пенсионных пособий, на что выделялись весьма значительные суммы, в комитете ещё и оприходовались поступления от разных благотворительных организаций.

И, кроме того, Политковский мог бы с легкостью покрыть недостачу в десять тысяч рублей, без особого ущерба для себя. Денежки у него всегда водились.

Александр Гаврилович был необычайно удачливый карточный игрок, и все это знали. Частенько выпадали дни, а точнее вечера, когда он выигрывал не менее тридцати тысяч рублей золотом (!!!). Вообще жил он на чрезвычайно широкую ногу, и выложить десять тысяч рублей ассигнациями мог бы совершенно запросто. но он этого отчего-то не сделал.

Сам Политковский недостачу объяснил чрезвычайно просто и убедительно: годовой баланс на момент проверки ещё не был свёрстан, когда же он будет свёрстан, то исчезнет и недостача.

Так, во всяком случае, он заявил директору комитета генерал-адъютанту Ушакову.

– Ну так сверстайте! – сказал Павел Николаевич, энергично потряхивая небольшой лысиной на самой макушке.

Политковский отвечал с не меньшим запалом, а пожалуй, ещё и с большим:

– Но как же мы можем сверстать, ежели кассовые книги за текущий период изъяты у нас?! Пусть вернут то, что забрали, то бишь кассовые книги.

И затем Александр Гаврилович произнёс бурную и гневную филиппику, направленную против государственного контроля, что, мол, они манипулируют цифрами, и не более того.

Генерал-адъютант Ушаков поглядел весьма растерянно на директора своей канцелярии и промямлил, что пробует уговорить, дабы изъятые кассовые книги были поставлены на место. Как видно, речь Политковского на Ушакова произвела впечатление.

И началась самая настоящая канцелярская война, жестокая, беспощадная. Но и бессмысленная.

А на самом деле Политковский просто тянул время, рассчитывая, что пока суть да дело, он наткнётся на какую-нибудь спасительную уловку.

Тем не менее стремительное и катастрофическое падение всесильного директора канцелярии комитета о раненых неотвратимо приближалось.

И Александр Гаврилович это, несомненно, понимал гораздо более, чем окружающие, которые даже и представить себе не могли, что же на самом-то деле происходило в комитете о раненых военного министерства. Понимал-то понимал, но спасительная уловка всё не находилась никак.

В общем, оглушительное падение Политковского и его во-

ровской команды становилось всё более и более осязаемым.

Да, Политковский как бы выигрывал во времени, но это, по сути, абсолютно ничего не давало ему, только совсем чуть-чуть оттягивало катастрофу, сохраняло лишь какие-то дни жизни, но никак не более того.

А настоящего спасения ниоткуда не было, и не предвиделось.

И надо быть форменным идиотом, чтобы не понимать это-го. А Политковский был личностью необычайно смышлёной.

Так или иначе, он с упорством бился за каждый день необычайно подлой, преступной своей жизни.

Оттягивал, как мог, неотвратимо приближавшуюся расплату.

Но вот что интересно: готовился к смерти или всё же на что-то продолжал надеяться?

А вот ответа на этот вопрос, пожалуй, что и нет у меня.

Думаю всё же, что, в силу своего предельно жизнерадостного характера, Александр Гаврилович Политковский думал до последнего, что как-нибудь да выскочит из западни.

Он ведь ко всему был ещё крайне самонадеян и верил в свою фортуна.

Глава седьмая.

Канцелярские интриги

1

После того, как контролёры изъяли несколько кассовых книг из канцелярии комитета о раненых, Политковский наистрожайше запретил пускать их впредь на порог канцелярии до той самой поры, пока не будут возвращены все изъятые кассовые книги. И никак не раньше.

При этом Александр Гаврилович направо и налево рассказывал всем, что он и его сотрудники не в состоянии сверстать годовой баланс комитета без недостающих – по вине контролёров – кассовых книг. Соответственно получалось, что недостача десяти тысяч рублей не может быть объяснена именно по причине незаконных действий контролёров.

Вообще говорить о недостаче нельзя без сведения годового баланса, а он не может быть свёрстан из-за атаки контролёров, которые и оказывались вдруг во всём виноватыми.

Ничего не скажешь – придумано было весьма ловко.

Но только контролёров этими рассуждениями Политковского о несвёрстанном годовом балансе было не обмануть. Они-то знали, что наличность в кассе всегда должна соот-

ветствовать приходно-расходной книге, и никаких исключений тут просто не может быть.

А кассовые книги они отказывались возвращать в комитет, ибо совершенно справедливо подозревали, что, в случае возврата, Политковским и его сподручными в них будут сделаны те или иные исправления, и тогда результат будет подогнан к правильной цифре.

Итак, контролёры наотрез отказались вернуть Политковскому кассовые книги.

На самом-то деле это идеально устраивало Политковско-го, ибо бухгалтерия комитета о раненых тем самым оказывалась как бы под арестом и не могла продолжать работу.

Все затягивалось, что только радовало Александра Гавриловича, коему надобно было максимально протянуть время. Вот он его и тянул, как мог.

Он-то знал, что свёрстка годового баланса ничего не изменит в судьбе пропавших десяти тысяч. И продолжал играть в оскорблённого, не пуская контролёров к себе в канцелярию.

Итак, суммируя, замечу, что создавалась весьма пикантная ситуация, и она полностью была на руку Политковскому, коему надобно было оттянуть час своей гибели, максимально оттянуть.

Контролёры держали у себя изъятые документы и требовали допуска к остальным, дабы можно было проверить отчётность прежних периодов в деятельности канцелярии. Политковский же не пускал контролёров и требовал незамед-

лительного возврата кассовых книг, отлично зная, что ничего ему возвращено не будет.

При этом контролёры не могли продолжать проверку, а комитет не мог нормально работать, что делало пройдоху Александра Гавриловича наисчастливейшим человеком. Но временно, временно, конечно.

Эта канитель продолжалась весь январь, за что Политковский благословлял Небо и свой ум.

Он выиграл целый месяц жизни.

Между тем действия Политковского были явным нарушением закона и превышением власти. Он и сам знал это, но до поры до времени помалкивал – это было в его же интересах.

В общем, он не имел никакого права не впускать контролёров. Он обязан был представить все требуемые бумаги, без каких-либо исключений.

Будь на месте Политковского кто-то другой, не покровительствуемый Чернышёвым, хоть и не министром уже, но зато всё ещё председателем Государственного совета, ой досталось бы этому другому. А вот Политковскому с руки аж несколько недель, практически весь январь месяц 1853-го года.

Между государственным контролем и комитетом о ранних возник на сей счёт целый эпистолярный роман, дабы наконец-то можно было выйти из тупика, хитроумно созданного Политковским.

Всё ж таки Александр Гаврилович хитёр был совершенно

неимоверно – это приходится со всею откровенностью признать. Однако от гибели это его не спасло.

Генваря 3-го дня 1853-году от Рождества Христова

В канцелярию комитета о раненых.

Досточтимый господин тайный советник!

Спешу уведомить Ваше Превосходительство, что Высочайше утверждён план полномасштабного ревизования всех бюджетов и фондов военного министерства нашей великой империи.

В соответствии с этим, надеюсь, Вы, милостивый государь, соизволите принять и окажите всемерное содействие посланцам из подведомственной мне службы государственного контроля. Заверяю, что всё это лица достойные, корректные и весьма сведущие в своём деле.

Примите уверения в моем всегдашнем расположении к Вашему Высокопревосходительству.

Алексей Хитрово,
Государственный контролёр,
Сенатор,
действительный тайный советник

Генваря 4-го дня 1853-го году от Рождества Христова
Всемилоостивейший гсударь,
Господин действительный тайный советник!

Спешу уведомить Ваше Высокопревосходительство, что и я и подведомственная мне канцелярия окажут всемерное содействие лицам, посланным к нам из Государственного контроля. Почтём за истинную честь.

Вместе с тем не могу не уведомить Ваше Высокопревосходительство об одном препятствии, возникшем отнюдь не по моей вине. Всё дело в том, что представители Государственного контроля явились ещё до получения послания Вашего от генваря 3-го дня, явились даже ещё до Рождества от 1852-года. При этом были изъяты из подведомственной мне канцелярии несколько кассовых книг.

Покамест сии кассовые книги не будут возвращены нам, мы не сможем сверстать головой баланс комитета, и, значит, не можем покамест оказать содействие Вашему Высокопревосходительству – отнюдь не по нашей вине, подчёркиваю.

Рассчитываю, господин действительный тайный советник, что возникшее препятствие незамедлительно будет устранено.

За сим остаюсь неизменно преданным Вашему Высокопревосходительству
Александр Политковский,

Камергер Двора Его Императорского Величества,
тайный советник

Генваря 10-го дня 1853-го году.

В канцелярию комитета о раненых.

Господин, тайный советник!

Кажется, Вы изволили шутить, или не прошло ещё после-
новогоднее похмелье?!

Как бы то ни было, сообщаю и наисерьезнейшим образом.

Сотрудники Государственного контроля ОБЯЗАНЫ про-
верить ВСЕ кассовые книги в канцелярии комитета о ране-
ных. Без этого не может быть завершена проверка бюджетов
и фондов военного министерства, без этого не может при-
ступить к работе новый военный министр.

Кажется, я выразился достаточно ясно. Надеюсь, послан-
цы мои сегодня же приступят к работе.

А Вам, милостивый государь, рекомендую быть благора-
зумным.

Примите уверения в моём неизменном расположении.

Алексей Хитрово,
государственный контролёр

Генваря 10-го дня 1853-го году.

Всемилоостивейший гостударь!

Господин действительный тайный советник!

Ежели о чём я и мечтаю, так это о содействии Государственному контролю и Вам лично.

Как только будет устранено не по моей вине возникшее препятствие, так я сразу же и приступаю к совместной работе с посланцами Вашего Высокопревосходительства, а покамест, увы, никак им не попасть в канцелярию комитета о раненых.

Остаюсь неизменно покорнейшим слугою Вашего Высокопревосходительства

Александр Политковский,
тайный советник,
директор канцелярии комитета о раненых

Генваря 20-го дня.

В канцелярию комитета о раненых

Господин тайный советник!

Признаюсь откровенно: Ваши вконец неуместные дурачества просто начинают уже порядком надоедать.

Кажется, мне ничего не остаётся, как довести обо всём

этом до сведения государя. Тогда уж не обессудьте, любезнейший. Можете и без головы своей хитроумной оказаться. Впрочем, и сами должны понимать, что с Его Величеством шутки плохи, тем более когда дело идёт о разворовывании казны. Тут он, как Вы знаете, бывает просто страшен.

В общем, рекомендую одуматься, и побыстрее.

Примите моих посланцев, как подобает. И перестаньте, наконец, чинить им препятствия – сие бессмысленно и глупо.

В общем, одумайтесь – иного выхода нет.

А за сим прощайте.

Надеюсь, всё ещё уладится

Алексей Хитрово,
государственный контролёр

Генваря 25-го дня.

Милостивый государь!

Господин действительный тайный советник!

Господин государственный контролёр!

К моему величайшему сожалению, Ваше высокопревосходительство так и не пожелало пойти мне навстречу, не пожелало восстановить справедливость: кассовые книги так и не возвращены на надлежащее им место. Данное обстоятель-

ство огорчает меня просто несказанно, Ей-Богу!

И всё-таки я надеюсь, что Вы наконец-то одумаетесь и скоро прикажете Вашим чиновникам вернуть кассовые книги.

И тогда годовой баланс будет весьма быстро свёрстан, и тогда можно будет составить полноценный финансовый отчёт о деятельности подведомственного мне комитета.

Как всегда, остаюсь неизменным слугою Вашего Высокопревосходительства

Александр Политковский,
тайный советник,
директор канцелярии комитета о раненых

Глава восьмая. Фиаско близится

1

Игра в кошки-мышки продолжалась около месяца, весь январь 1853-го года. Результатом этого было то, что престарелый государственный контролёр Алексей Хитрово окончательно рассвирепел. Но при этом за весь месяц Политковский, бегая по балеринкам, устраивая серьёзные карточные вечера, так и не нашёл выхода из создавшегося положения.

Недостача в десять тысяч так и осталась, и кассовые книга комитета о раненых за ушедший год так и пребывали в государственном контроле. Надо было их директору комитетской канцелярии как-то сжечь или выкрасть хотя бы – ничего этого Александром Гавриловичем сделано не было.

Он весь месяц прогулял, повеселился, стараясь, как видно, забыться в бесчисленных любовных утехах и обильной карточной игре, или же полагая, что спасение придёт само собой. Но оно так и не пришло.

Переписке Политковского с государственным контролем как будто конца и края не было, и вообще Александр Гаврилович отдался ей с чрезвычайно большим пылом.

И вдруг переписка эта совершенно неожиданно была прервана, к великому разочарованию нашего героя, и вот каким

образом это произошло.

29-го января 1853-го года Политковского вдруг призвал под свои светлые очи прямой начальничек его – генерал-адъютант Павел Николаевич Ушаков, и неожиданно сурово заявил (прежде он к директору своей канцелярии относился мягко, с пониманием и с полнейшим доверием, ценя, что тот пользуется расположением самого Чернышёва), выражая полнейшее недовольство сложившейся ситуацией:

– Всё, голубчик. Более откладывать уже никак нельзя. Полной масштабной проверки канцелярских кассовых книг никак не миновать. И за все годы, без исключения.

Политковский, всегда необычайно розовощёкий, вдруг стал бледен, как полотно. На лбу его выступил холодный пот. Ясные карие глаза подёрнулись мутной влагой.

Однако Александр Гаврилович довольно быстро пришёл в себя и сухо, сдержанно отвечивал:

– Я вынужден подчиниться.

А потом несколько просительно добавил:

– Но, господин генерал-адъютант, дайте хотя бы день, дабы подготовиться к встрече с проверяющими.

Ушаков вполне резонно ответил:

– Времени на это у вас, разлюбезный друг мой, было предостаточно. Нет, только завтра. В 9 часов утра ждите посланцев от господина государственного контролёра.

Завтра – то бишь 30-го января 1853-го года.

Политковский в знак согласия махнул головой, попрощался с генералом-адъютантом Ушаковым и тут же, не заходя даже в свой кабинет, с энтузиазмом отправился собирать балеринок своих на прощальную оргию.

В картишки он в тот вечер не играл: сосредоточился Александр Гаврилович исключительно на любовных утехах – на «играх» с балеринками.

Была у него ещё мысль заехать попрощаться к своему бывшему покровителю, а ныне полной развалине – светлейшему князю Чернышёву, бывшему военному министру, но потом отчего-то он вдруг раздумал.

Никаких распоряжений после себя (в плане завещания) Политковский не оставил, хотя одна обстановка его квартиры, наибогатейшая, могла быть оценена никак не менее как в сто тысяч рублей, а может даже и более.

А кареты, а коляски его – это же целое состояние! Полагаю, что в совокупности они могли быть оценены в тысяч триста, а может и более.

Предполагаю, что балеринкам своим Александр Гаврилович в тот вечер мог сделать-таки весьма основательные подарочки, а может быть и нет, может, решил сэкономничать, может быть, решил, дабы всё вернулось назад, в казну военного министерства.

Глава девятая. Ускользнул, подлец!

30-го января уже к 8-ми часам утра в приёмной директора канцелярии комитета о раненых толпилась целая свора молодых чиновников, присланных государственным контролёром. Было видно, что всем им не терпится поскорее приступить к делу, ибо они просто источали нетерпение.

Но вот наступило уже и девять часов, а директора всё не было. Между тем ключи от шкапов с кассовыми книгами были только у него.

Наконец, в половине десятого вбежал посыльной с запиской от Политковского, в коей Александр Гаврилович извещал, что болен и прийти никак сегодня не в состоянии.

Когда это стало известно, по всей своре посланцев государственного контролёра Алексея Хитрово прошёл явный ропот неодобрения. Один из явившихся чиновников (как видно, старший по чину) тут же ринулся к генерал-лейтенанту Ушакову, председателю комитета, и без обиняков заявил, что ежели ему и его товарищам не будет обеспечен допуск к финансовым документам, то они взломают замки.

Павел Николаевич Ушаков отправил Политковскому курьера с письмом, в коем приказывал либо срочно явиться в комитет, либо передать с курьером же ключи от шкапов.

Однако на службу Политковский в тот день так и не явился и ключей ни с кем не передал.

Контролёры замки от кассовых шкапов всё же не взломали, рассчитывая, что на следующий день Политковский явится.

Однако на следующий день (1-го февраля) стало известно, что Александр Гаврилович помер.

Весть сия тут же разлетелась по Санкт-Петербургу и даже далее. Скорбь была общей. Говорили, что он преставился от апоплексического удара по причине волнений из-за предстоящей проверки его канцелярии. Государственный контролёр Хитрово чуть ли не открыто каялся в резком тоне некоторых посланий к покойному.

Впрочем, был и слух, что Политковский отравился, и всё по той же причине волнений. Слух этот поддерживал в устных беседах сам Леонтий Дубельт, жандармский генерал, птица чрезвычайно высокого полёта.

Пошёл потом и слухок, что Политковский не отравился, а был отравлен кем-то из чиновников его канцелярии, боявшихся грядущих разоблачений.

Но общее мнение было то, что покойного очень жаль, что он был добр и отзывчив, что был хороший исполнительный работник и принёс много пользы отечеству, особенно раненым и военным инвалидам. Более всех, конечно, горевали балеринки. Ещё бы! Они теряли солидный источник постоянного дохода. Ну и чисто по-бабьи горевали о потере весёлого и ласкового клиента.

Говорили в Санкт-Петербурге повсеместно и о том, что

Политковский частенько жаловался на сердце и что надобно было с ним обращаться поосторожней, нежнее, что ли, гораздо более корректно, чем это происходило в последний месяц его жизни, который протекал весьма бурно, в неустанных канцелярских баталиях.

Так продолжалось ровно два дня – первого и второго февраля, а потом вспыхнул и первый скандал: первый, но не последний, надо сказать.

Хор жалеищиков разом умолк, одни лишь балеринки продолжали выть по-прежнему – при их-то закалке да опытности, скандалы это тьфу, и не более того.

Вот что, собственно, произошло после двух дней неутешного общего горя.

Гроб с телом Политковского был выставлен для прощания в самой большой зале его громадной квартиры. Отдать последнюю дань уважения покойному в первую очередь приходили чиновники военного министерства, ну и, естественно, чиновники его канцелярии.

И вот вечером 2-го февраля титулярный советник Путвинский, бывший много лет правой рукой Александра Гавриловича, вдруг отделился от чинно-скорбной толпы посетителей, необычайно резво подбежал к гробу, близко склонился над ним, и вдруг возьми да и хлопни усопшего прямиком по животу.

Ещё Путвинский и воскликнул при этом, достаточно громко:

— Молодец, Сашок! Пировал, веселился вовсю и умер прямо накануне суда и каторги. Вывернулся! А вот мне каторги не миновать.

Это прозвучало как гром среди ясного неба. Все в ужасе задрожали. Приличия были нарушены, да и память усопшего явно оскорблена.

Слова Путвинского чуть ли не мгновенно разлетелись по всей столице нашей империи. Говорили при этом, что чиновник канцелярии комитета о раненых находился в сильнейшем подпитии и даже чуть ли не в белой горячке.

Но тут же поползли слухи и о самом покойном, о том, что он жил не по средствам, имел несколько дорогих экипажей, устраивал роскошные вечера, имел многочисленных любовниц, и всё это при весьма незавидном жалованье.

В общем, скандальное происшествие у гроба покойного прогремело буквально на весь Петербург, и особенно отдалось, конечно же, в военном министерстве.

Это был даже не скандал, а чистый позор, позор, именно для военного министерства. Громко, вслух, было заявлено, что в сём министерстве творились страшные безобразия, что там крали и крали.

Шутка Путвинского была совершенно неуместная, неприличная даже, спору нет, но, как видно, возникла отнюдь не на пустом месте.

И многие сей шутке поверили совершенно полностью. Поверили и доверились.

И отныне неутешными в своём горе по Политковскому в основном оставались, кажется, одни лишь балеринки.

Глава десятая. Отпевание высочайше отменено

Отпевать Политковского должны были в Никольском морском соборе, где, как правило, отпевали всех средних и крупных чиновников военно-морского ведомства.

Усопшего обрядили в парадный камергерский мундир, поместили в гроб в окружении атласных подушечек с многочисленными орденами, водрузили на роскошный катафалк и загодя перевезли в Никольский собор, оставив гроб открытым в ожидании отпевания.

Церемония была назначена на 4 февраля. Всё должно было начаться в четыре часа пополудни.

Однако 4-го февраля около полудня в Никольский морской собор прибыл вооружённый наряд полиции, коим командовал сам обер-полицмейстер столицы генерал-адъютант Александр Павлович Галахов, то бишь дело было в высшей степени серьёзное, а точнее, даже скандальное.

Это был второй скандал, очень далеко превзошедший первый (разумею шутку Путвинского).

Обер-полицмейстер приказал наисрочнейшим образом очистить собор от посетителей.

Да, такого в Петербурге, кажется, ещё не было. Сейчас поймёте, почему я так говорю.

После того, как публика покинула собор, гроб сняли с катафалка, покойного переодели в обычный фрак, переложили в простой сосновый гроб и перевезли в захудалый храм на Выборгской стороне.

Камергерский же мундир Политковского обер-полицмейстер Галахов изъяс и самолично отвёз императору Николай Павловичу и в подробности описал Его Величеству, как прошло всё в Никольском соборе.

Вообще вся сия акция было произведена по прямому указанию Его Величества Николая Павловича.

То, что произошло в тот день в Никольском соборе, это уже был такой грандиозный скандал, который, думаю, привлёк внимание всех без исключения петербуржцев.

Вот теперь-то покойный Политковский стал наконец-то истинной знаменитостью.

Между тем, полицейской операции в Никольском морском соборе непосредственно предшествовали кой-какие разоблачительные открытия, сделанные государем буквально днём раньше и даже прямо утром 4-го февраля.

Да, и ещё император Николай Павлович спешно запретил публикацию в «Русском инвалиде» большого некролога Политковского.

Действительный тайный советник и камергер неожиданно, и без каких-либо официальных объяснений, перешёл в разряд государственных преступников.

Можно было только догадываться, почему покойного в

спешке вытащили из камергерского мундира и отменили вдруг отпевание в Никольском соборе.

И предположения пошли буквально волнами, а точнее, косяком, однако столичные власти их никоим образом не комментировали и не регулировали; правда, не пытались как будто и заглушить.

Но в любом случае едва ли не всем в столице российской империи было очевидно, что невзгоды, обрушившиеся вдруг на покойного, явно связаны с канцелярией комитета о раненых и с тем загадочным, что там произошло.

Именно к служебной деятельности Александра Гавриловича Политковского прямо уходило то обстоятельство, что спешно прибыл санкт-петербургский обер-полицмейстер Галахов с подручными своими и выбросил покойного из парадного камергерского мундира. А ордена выдернули из подушечек, побросали небрежно в мешок, и увезли. Мешок сей также был Галаховым вручён императору.

То была настоящая полицейская операция, произведённая поспешно и даже стремительно, по высочайшему волеизъявлению.

Что же, собственно, случилось?

Я провёл некоторые разыскания, и, кажется, могу теперь с определённой долей точности ответить на сей весьма каверзный вопрос.

Глава одиннадцатая. Кое-что о том, что произошло в два утра – 3-го и 4-го февраля

Утром 3-го февраля к генерал-адъютанту Павлу Николаевичу Ушакову вдруг явились без вызова, что явилось полнейшею неожиданностию, всяким нарушением субординации, заведующий счётным отделением канцелярии комитета о раненых коллежский ассессор Тараканов и казначей на-
дворный советник Рыбкин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.